

ПАМЯТНИКИ МИРОВОЙ МЫСЛИ: ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

УДК 321.01

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-195-202

ГЛАВА 11

МЕСТО РАСПОЛОЖЕНИЯ СУВЕРЕНИТЕТА В ОРГАНИЗМЕ ГОСУДАРСТВА¹

Уиллоуби В.

Аннотация

Читателю предлагается перевод главы книги «Природа государства» Вестеля Вудбери Уиллоуби (1867–1945) – доктора философии, выпускника Университета Джона Хопкинса, создателя факультета политологии (в том же университете), на котором он был единственным профессором, и который считается одним из основателей американской политической науки.

В представленной главе Вестель рассуждает о проблеме суверенитета, определяющего политическую власть. Американский политолог делает принципиально важное замечание о том, что общественное мнение не является гражданской властью в строгом смысле.

Заслуживает интереса и глубокое замечание учёного: пока народ не станет политически организованным, у него не будет суверенитета. Суверенитет же исходит от государства и принадлежит политическому сообществу.

Ключевые слова: суверенитет, государство, политическая власть, народный суверенитет, политическая наука, общественное мнение, политические институты

CHAPTER XI

LOCATION OF SOVEREIGNTY IN THE BODY POLITIC²

W. Willoughby

Abstract

The reader is offered a translation of a chapter in the book “The Nature of the State” by Westel Woodbury Willoughby (1867–1945) – Doctor of Philosophy, a graduate of Johns Hopkins University, the founder of the Department of Political Science (at the same university). W. Willoughby is considered as a founder of American political science. In the chapter presented, Willoughby discusses the problem of sovereignty, which determines political power. The American political scientist makes a crucial comment that, strictly speaking, public opinion is not a civil power. Another remark also deserves interest: until a people become politically organized, there is no sovereignty. Sovereignty comes from the State and belongs to a political community.

¹ Перевод осуществлён Я. Ю. Моисеенко по изданию: Westel W. W. The Nature of the State. N.Y.: Macmillan Company, 1896. 448 p.

² The translation was performed by Y. Yu. Moiseenko according to the publication: Westel W. Willoughby. The Nature of the State. N.Y.: Macmillan Company, 1896. 448 p.

Keywords: sovereignty, state, political power, popular sovereignty, political science, public opinion, political institutions

Историческая ретроспектива

В политической жизни с самых ранних времён ставился вопрос о том, до какой степени людей следует наделять правом избирать собственных правителей и определять способ управления общественными делами. По большому счёту (и как мы убедимся в дальнейшем – ошибочно), решение этой проблемы виделось в определении места суверенитета в организме государства.

Следует заметить, что первое признание за гражданами права на защиту от произвольного вмешательства со стороны государства можно обнаружить в римском праве. Хотя верно и то, что римляне придерживались принципа «что угодно повелителю, то имеет силу закона» (*лат. quidquid principi placuit legis habet vigorem*), следует помнить, что они также были убеждены: источник политической власти – народ, а власть правителей истекает из его доброй воли. Однако согласие народа передать власть правителю было сочтено как *добровольный отказ* от неё, а не делегирование полномочий, которые могут быть к тому же отозваны.

В нашем очерке, посвящённом истории общественного договора, мы проследили направление, выбранное политической теорией в связи с продолжительным спором между Империей и Папством. Ожидание от этого диспута были таковы, что в рамках него будет целиком обсуждена доктрина народного суверенитета, поскольку это есть основная прерогатива государства – происхождение суверенитета божественное или человеческое.

На деле же, несмотря на то, что доктрина и была чётко сформулирована, а к концу XIII в. ещё и принята всеми сторонами в равной степени как действительная – в течение многих лет она получила лишь незначительное развитие. Произошло это вот по какой причине. Диспут разворачивался лишь между церковью и

светскими правителями – пределы вменения самой политической власти ещё не подвергались сомнению. В то же время ещё не пришло время оспаривать эту точку зрения с позиции народа. Абсолютизм, будь он церковным или светским, не подвергался серьёзным нападкам.

Тем не менее постепенно возникали новые условия, при которых сохранение прежнего положения вещей становилось невозможным. Вместе с увеличением влияния королевской власти и закатом высшего феодального дворянства, расширялось представительство местных депутатов в парламенте, а также наблюдался рост торговых городов со свободной формой управления муниципалитетом. Предоставление больших свобод таким городам было в интересах королевской власти, т. к. они были противовесом феодальной аристократии, и «бюргеры» тем самым обрели вес в политической системе государства. Завершение крестовых походов ознаменовалось возрождением классического образования, просвещением, развитием искусств и отраслей, торговли, а также в целом приобретением знаний обо всех известных частях мира. Интеллектуальные горизонты Европы расширились.

Изобретение печати с помощью подвижных металлических блоков способствовало распространению знаний в небывалых пределах, о чём ранее можно было лишь мечтать. Возникли школы и университеты, главными учебными дисциплинами которых стали теология и право. Падение Византии привнесло в Западную Европу поток иностранцев, владевших искусствами и наукой. Великие знания арабов и евреев сыграли немалую роль в просвещении Европы. Наконец, в XVI в. пришла протестантская реформация, которая повлекла за собой свободу совести, стало приветствоваться индивидуальное мышление, произо-

шло освобождение от уз церковного деспотизма и традиций прошлого, а также пришло время свободы в размышлениях и исследованиях.

Политическая наука испытала непосредственное влияние этого развития. Отман,¹ Ланге,² Бьюкинен,³ Альтузий⁴ и другие представители школы «монархомахов»⁵ отказались рассматривать королевскую власть как власть неограниченную и безграничную и открыто провозгласили современную доктрину народного суверенитета⁶. «Кто осмелится утверждать», – писал Альтузий, – «что народ может передать кому-то свой суверенитет? Суверенитет – это неделимая, не подлежащая передаче и не подчиняющаяся никому власть. Боден заблуждался, когда приписывал суверенитет королям или дворянам; это право принадлежит всему обществу».

Таким образом, развитие идеи народного суверенитета было тесно связано с одной из версий теории договора. Последующее развитие этой связи мы уже обрисовали в общих чертах в трактовке данного политического измышления. Начиная с Французской революции, вся последующая история Европы в значительной степени отражает попытки претворить теорию общественного договора в жизнь.

¹ Franco-Gallia, sive tractatus de regimine regnum Galliae.

² Vindiciae contra tyrannos.

³ De jure regni apud Scotos.

⁴ Politico, methodice digesta.

⁵ Что касается «монархомахов», смотрите Gierke, Johannes Althusius u. die Entwicklung der naturrechtlichen Staatstheorien; и Rudolph Treumann, Die Monarchomachen.

⁶ Дополнительное значение придавалось теории народного суверенитета в связи со спорами между Папой и Собором относительно того, представлял ли Собор всё духовенство и в этом качестве превосходил Папу, или же он действовал как независимый орган и имел меньший авторитет, чем он. Марсилиус и Оккам, обращаясь к данной теории народного суверенитета, намекали, что даже миряне должным образом участвовали в этом народном церковном суверенитете.

Место расположения суверенитета

Вопрос о месте расположения суверенной власти в государственном организме, как уже было сказано ранее, не равен вопросу о том, является ли суверенитет неотъемлемым элементом той или иной политической инстанции. Признавая, что государство обладает суверенитетом, мы должны теперь обнаружить человека или лиц, в чьих руках в конечном итоге находится его вменение. На первый взгляд может показаться, что решение данного вопроса – в области анализа государственной структуры и, соответственно, относится к особой сфере конституционного права, но не политической философии. Но это не так. На самом деле вопрос, стоящий перед нами, гораздо глубже, чем может показаться. И для ответа на него требуется исследование, отличное от тех, какими мы до этого обременяли себя. Оно должно простираться за пределы простого конституционного анализа и требовать более пристального рассмотрения важнейших отношений между народом и государством, в которое первый политически объединён.

Следует помнить, что под суверенитетом понимается высшая воля государства, и что лицо или группа лиц, в чьих руках находится власть и кто вменяет свою волю **законным образом** в качестве последней инстанции, является суверенным. Получается, единственный вопрос, который необходимо решить – возможно ли передать эту власть в руки определённого лица или группы лиц, составляющих часть государственного организма; или обладание такой властью правомочно только для всего народа. По сути, это единственный вопрос, который нам необходимо обсудить в этой главе, и это очевидно из следующих рассуждений.

Если суверенная власть находится в руках определённого человека или группы отдельных лиц, но не всего народа, оставшаяся часть исследования потребует от нас лишь анализа устройства каждого отдель-

ного государства – в целях обнаружить такого человека или группу. Очевидно, что исследование такого плана не является предметом внимания данного трактата. С другой стороны, если будет установлено, что поиск места расположения суверенной власти в конечном итоге и неизбежно ведёт ко всему народу, тогда уже форма правления становится несущественной, значит, требуется дальнейший анализ.

Убеждённость, что в любом политическом сообществе сувереном является определённый человек или группа лиц, является одним из основных постулатов аналитической школы юриспруденции. Повторим известное определение суверенитета, данное Остином: «Если большая часть общества на постоянной основе повинуется определённому высокопоставленному лицу, такое лицо является сувереном, а такое общество, в свою очередь, можно именовать политическим и независимым».

В соответствии с этим определением, Остин продолжает утверждать, что такой конкретный суверен может быть обнаружен в каждом политическом и независимом обществе, и его наличие является обязательным условием существования государства как такового. Более того, как мы уже поняли, Остин определяет любой закон как выражение – прямое или косвенное – воли этого суверена; и как логический результат всего этого выводит свободу суверена за рамки юридических ограничений. «Суверенитет или верховная власть», – говорит он, – «не может быть ограничена законом, независимо от того, принадлежит ли он отдельному лицу или нескольким лицам».

В предыдущей главе мы продемонстрировали юридически абсолютный характер государства. Здесь мы более подробно рассмотрим, каким образом его полная юрисдикция может быть ограничена на практике. Аргументация таких авторов как Кларк,¹ Лайтвуд,²

Блисс,³ Джеймесон,⁴ Лоувелл⁵ и других направлена на опровержение позиции Остина. Они показывают, что на самом деле такого монарха, который обладал бы реальной властью и полностью контролировал все отрасли права, просто не существовало – каким бы тираном он ни был. В качестве доказательства приводится тот факт, что в самых крайних случаях проявления абсолютизма, практика изменений или вовсе отмены существующих законов монархом едва ли распространялась за пределы публичного права. Как говорит профессор Блисс: «Правитель может преуспеть в революционном преобразовании публичного права, хотя успех на этом поприще едва ли возможен без привлечения к сотрудничеству широкого спектра вовлечённых лиц; тем не менее трудно представить, чтобы корпус частного права подвергся бы изменениям подобного плана. Нет ни одного примера в истории, чтобы это произошло. Преобразования в правовой сфере случались, но касались они по большому счёту формулировок, радикальные же изменения, не подвергнутые при этом публичному обсуждению, вызовут волнения. Сметать же целую систему и заменять её другой, которая в своей новизне чужда привычкам общества, противоречит его предрассудкам и страстям, ставит под угрозу его права – это так же невозможно, как изменить порядок смены сезонов».⁶

Факт таков, и это должно быть очевидно для всех, что у любого народа есть пределы, в которых простирается его терпение, каким бы выносливым, тёмным и покорным он бы не был. И когда его угнетают сверх этого предела, он рано или поздно встанет на тропу открытого сопротивления; и если это угнетение зайдет так далеко, что вызовет мятеж всего народа или значительной его части – правящие силы будут свергнуты. Этот факт

³ *Of Sovereignty*.

⁴ *Political Science Quarterly*, Vol. V. No. 2.

⁵ *Essays on Government*.

⁶ *Of Sovereignty*, p. 48.

¹ *Practical Jurisprudence: A Comment on Austin*.

² *The Nature of Positive Law*.

признаёт каждый правитель. Как хорошо сказал Хьюм, «поскольку сила всегда на стороне управляемых масс, власть имущим не на что опереться, кроме как на общественное мнение. Государство только на одном этом мнении и зиждется, и этот принцип справедлив как для самых деспотичных, милитаристских правительств, так и для самых свободных и демократичных»¹.

По правде говоря, сам Остин прямо и неоднократно заявлял, что законный суверен осуществляет власть, находясь под контролем общественных запросов. В своём определении суверена он говорит: «Если определённое высокопоставленное лицо, не подвластное более никаким другим инстанциям, **на постоянной основе** получает повиновение...» и т. д.; словосочетание «на постоянной основе» (англ.: *habitual*), таким образом указывает на возможность противостояния воле суверена, что повиновение может быть эпизодическим. И снова он говорит: «Если абсолютная или полная независимость является сутью суверенной власти, на самом деле нет той человеческой силы, к которой она будет применяться. Каждое правительство, пусть даже могущественное, время от времени подчиняется приказам других правительств. И каждое правительство обычно полагается на мнение и чувства своих подданных»². А также: «В неопределённой, пусть и ограниченной степени, монарх превосходит тех лиц, которыми он управляет, и власти монарха обычно достаточно, чтобы обеспечить выполнение его воли. Но управляемые, в простой сумме или в массе, также являются своего рода высшей инстанцией для монарха, т. к. они сдерживают его от злоупотребления своей властью, вызывают у него страх разжечь их гнев и спровоцировать против него мятеж, что дремлют в толпе»³.

¹ *Collected Essays*, Pt. I. No. 4.

² *Lectures on Jurisprudence*, ed. 1867, Vol. I. p. 242.

³ *The Province of Jurisprudence Determined*, p. 14 (ed. 1861). Смотрите также *idem*, сноску к p. 192

Это всего лишь одни из многих способов выразить истину о том, что ни в одном государстве не будет силы, что превосходила бы ту, что можно обнаружить в народе. Целое всегда больше любой составной его части.

Государства различаются устройством, объёмами политической власти, что находится в руках субъектов политики, а также способами осуществления этой власти, но **величина** этой власти всегда и везде одинакова. Они могут быть деспотичными или же демократичными – это зависит от того, с какой лёгкостью их конституции допускают законное выражение и исполнение воли граждан в вопросах государственного управления. Таким образом, «народный» характер государства прямо пропорционален чувствительности правящих сил к общественному мнению.

В наше время эта чувствительность в значительной степени выражается в народном представительстве, расширении избирательного права, местного самоуправления, таких приёмов, как референдум в Швейцарии, а также в виде «обращений к стране» со стороны потерпевшего поражение министерства в Англии и частыми выборами в Америке.

Если теперь мы признаем, что власть народа в конечном итоге обуславливает действия тех, кто ими управляет, подошли ли мы к концу нашего исследования? Ни в коем случае!

Прежде всего, необходимо зафиксировать определённую коннотацию термина «народ». Если под ним мы имеем в виду простую сумму индивидов, составляющих государство, мы получаем «государство, разделённое на его атомы, и верховную власть, приписываемую неорганизованной массе или большинству этих индивидов. Это крайне радикаль-

и p. 272. Профессор Дьюи в мартовском выпуске 1894 г. *Political Science Quarterly* показывает склонность Генри Мэна и некоторых других авторов интерпретировать систему взглядов Остина, как будто бы она игнорирует эту высшую обуславливающую силу народного одобрения.

ное мнение противоречит самой сути государства, которое является основой суверенитета»¹.

Если «народом» мы назовём людей, объединённых и политически организованных, то мы не продвинемся тем самым в установлении места суверенитета; мы лишь повторим утверждение, что суверенитет – необходимая составляющая любого государства; что политически организованные люди – это и есть государство. Мы также не можем сказать, что термин «народ» в этой связи относится к тем гражданам, которые принимают участие в голосовании, или к большинству таковых; или к тем представителям, кого они избирают. Всё это не годится.

Конечно, граждане, имеющие право голоса, обладают самыми доступными средствами влияния на политику государства, но власть всё же осуществляется не только с одного их согласия. Даже там, где преобладает всеобщее избирательное право для мужчин, электорат составляет, как правило, 1/5 часть населения, и вряд ли у нас есть основания полагать, будто пожелания остальных 4/5 не требуют учёта при определении политических действий. В случае же революционной ситуации – избиратели едва ли способны привести её к успеху в одиночку. У них за спиной должна быть группа поддержки, придающая им дополнительную силу или, по крайней мере, они должны заручиться пассивным согласием большей части общества. Даже в рамках отправления избирательного права сами избиратели должны поступать не только согласно собственным желаниям, но и в соответствии с желаниями всего общества.

Таким образом, если мы говорим о суверенитете народа, мы не можем иметь в виду что-то иное, нежели суверенитет общественного мнения – ту силу, которую Либер определяет как «разум и чувства общества, непреодолимые, проявля-

ющие свою власть повсюду», и власть, что «придаёт смысл букве закона; без которого писанный закон – лишь слова»². Таким образом, суверенитет, как ярко выразился профессор Вудро Вильсон, сводится к «перечню влияний»³.

Конечно, даже если этот вывод верен, и каким бы утешительным он не был для сторонников народного правительства – мы не можем довольствоваться им с точки зрения юридической науки. Получается, что наиважнейший атрибут государства – суверенитет – оказывается властью, которую можно определить только в отношении текущего момента могущества и которая не может быть выражена с помощью конкретных органов государства – политических институтов. Более того, политические решения почти во всех случаях могут лишь в большей или меньшей степени соответствовать воле народа даже при самом демократичном из правительств; и влияние государства, по большей части, ощущается негативным образом. Его высшая мощь проявляется с положительной стороны только когда демонстрируется его способность противостоять или разрушать политические условия, которые стали для него неприемлемыми. Если такова и есть природа суверенитета, казалось бы, он обладает лишь немногими качествами, что могли бы закрепить его как юридическое понятие.

Но нам и не нужно придерживать-ся данной точки зрения. Вся проблема в том, что те, кто занимает эту позицию, сбиваются с пути в поисках окончательного места расположения суверенитета и делают выбор в пользу того, что на самом деле обуславливает политические действия, но **не имеет ни юридической, ни гражданской природы.**

Общественное мнение, существующие само по себе, без каких-либо государственных органов, с помощью которых может осуществляться его власть, не является, строго говоря, гражданской

¹ Bluntschli, *Theory of the State*, trans., 2d ed., p. 497.

² Political Ethics. Chap. 65.

³ An Old Master and Other Essays. P. 78.

властью. Сам факт того, что политическая деятельность редко в точности соответствует желанием общества и зачастую противоречит им, может быть достаточным доказательством того, что его нельзя отождествлять с волей государства. Это, конечно, сила, с которой правительство должно считаться при определении политического курса – таким образом, общественное мнение всё же обуславливает направление и способы государственной власти – но оно не тождественно государству. Суверенитет – это всё же политический термин, он определяет политическую власть. А истинная политическая власть может осуществляться только в том обществе, которое политически организовано, т. е. посредством его официальных политических институтов.

Однако Руссо сказал бы, что «суверен» под именем Общая Воля имеет своё народное собрание, где может участвовать каждый гражданин – это институт, через который могут выражаться приказы. Но даже если допустить, что практически осуществимо созвать такой орган власти где-либо, кроме чрезвычайно малых государств, даже тогда не возникла бы уверенность, что его приказы в точности отражали бы Общую волю. Всегда существует опасность, что такое собрание будет контролироваться фракциями в корыстных целях. Сам Руссо признаёт это. «Когда в достаточной мере осведомленный народ выносит решение, то, если граждане не вступают между собою ни в какие сношения, из множества незначительных различий вытекает всегда Общая Воля, и решение всякий раз оказывается правильным. Но когда в ущерб основной ассоциации образуются сговоры, частные фракции, то воля каждой из них становится общей по отношению к её членам и частной по отношению к государству; тогда можно сказать, что голосующих не столько же, сколько людей, но лишь столько, сколько ассоциаций. Различия становятся менее многочисленными и дают менее общий результат.

Наконец, когда одна из этих фракций настолько велика, что берёт верх над всеми остальными, в результате получится уже не сумма незначительных расхождений, но одно-единственное расхождение. Тогда нет уже больше Общей Воли, и мнение, которое берёт верх, есть уже не что иное, как мнение частное»¹.

Другими словами, лишь в идеальном обществе, члены которого не только просвещены и честны, но активно действуют в своих политических интересах, а также свободны от фракционных обязательств – тогда и только тогда у нас возникает уверенность, что Общая Воля будет сформирована, даже в формате собрания, членом которого является каждый гражданин.

В итоге мы должны заключить, что нельзя сделать вывод, будто «Общая Воля», или «общественное мнение», или «народный суверенитет», или как бы мы не именовали этот феномен, способно на авторитетное и точное выражение своих желаний посредством какого-либо института или нескольких институтов, т. к. просто не располагает таковыми.

Итак, нами было фактически доказано: всё, что заключено в идее так называемого «суверенитета народа» – это «право народа на революцию» или, вернее, «власть революции», которая вытекает из их неорганизованной массы, но не от её организованной силы.

Но будь то революционное право или революционная власть – ни в том, ни в другом случае не наблюдается юридической составляющей. Юридические права и обязательства создаются и налагаются только на основании позитивного права, и такой закон существует только как выражение воли политического института. Простым фактом, что люди разделяют революционные настроения по отношению к своему правительству, т. е. стремятся обеспечить выполнение своих требований способами, отличными от предусмотренных законом – они выводятся за

¹ The Social Contract, Bk. II. Chap. III.

пределы правового поля государства в том, что касается таких действий. Каким бы правильным не было их поведение с моральных позиций, с правовой точки зрения они ведут себя не как политическая организация, а как толпа. Фактически они прямо отказались от государственных институтов. Таким образом,

это не может быть актом суверенитета, поскольку сам суверенитет, как это было ясно определено и всеми признаётся, исходит от государства и принадлежит политическому сообществу, а не единой совокупности людей. Пока народ не станет политически организованным, у него не будет суверенитета.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вестел Вудбери Виллоуби (1867–1945) – американский политический философ.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Westel W. Willoughby (1867–1945) – the American political philosopher.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ ПЕРЕВОДА

Моисеенко Ян Юрьевич – младший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR OF THE TRANSLATION

Jan Yu. Moiseenko – Research Assistant, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Уиллоуби В. Глава 11. Место расположения суверенитета в организме государства / пер. с англ. Я. Ю. Моисеенко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С. 195–202.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-195-202

FOR CITATION

W. Willoughby. Chapter XI. Location of sovereignty in the body politic (Russ. ed.: J. Yu. Moiseenko, transl. *Glava 11. Mesto raspolozheniya suvereniteta v organizme gosudarstva*). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 31, pp. 195–202.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-195-202